

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

*Юрий Лукич МАНДРИКА —
директор издательства
краеведческой литературы (г. Тюмень),
кандидат филологических наук,
заслуженный работник культуры
lukitsch_mandr@mail.ru*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: М.В. ШИЛОВСКИЙ. СУДЬБЫ, СВЯЗАННЫЕ С СИБИРЬЮ: биографические очерки. Новосибирск: Сова, 2007. 376 с.

О ПЕЧАТИ СИБИРИ И РУСЛЕ СОВЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ

Книга известного историка Сибири М.В. Шиловского «Судьбы, связанные с Сибирью» включает в себя 27 биографий выдающихся сибиряков второй половины XIX — начала XX в., сторонников сибирского областничества. О сложности этого общественно-политического и культурного движения местной интеллигенции говорит уже тот факт, что в биобиблиографическом справочнике «Сибирское областничество», к которому имел отношение и историк-сибиревед, число его участников было более чем в два раза меньше [21]. К тому же П.А. Словцов и П.М. Головачев, присутствовавшие в издании «Водолея», в книгу М.В. Шиловского не попали. Иронизировать по поводу быстротекущей эволюции научных взглядов на сибирское областничество вряд ли уместно. Волнует другое. При попытке канонизировать в коллективной памяти биографии культовых личностей ушедшей эпохи автор «Судеб» придает некоторым вопросам истории печати Сибири (к сожалению, не получившим должного освещения в советской науке), значение фона, в интерьере которого жили и творили знатные сибиряки. Факты биографий предполагают и подлинную историчность изложения событий того времени. Тезис о такой взаимозависимости всегда был основой мифотворчества, господствовавшего в науке, обслуживающей идеологию определенного строя.

До сих пор нет основательной истории газетно-журнального дела азиатской России конца XIX в., несмотря на незначительное в то время число частных изданий — не более полутора десятка. Написанная фрагментарно, история до сих пор не ставит все точки над «і» даже в судьбах «Сибири» и «Восточного обозрения», самых канонизированных газетах, имевших «социалистические тенденции» [11; 60]. А о лакунах, в которые угодили оба «Сибирских вестника» на нелегких революционных дорогах — Б.А. Милютин (Иркутск) и В.П. Картамышева (Томск) — разговор особый.

Еще в советское время была сделана попытка реабилитировать «Сибирь» П.А. Клиндера, печатавшую не только обличительные корреспонденции [8; 9], но и имевшую обильную почту из Главного управления по делам печати (далее — ГУДП — прим. авт.) в адрес Главного управления Восточной Сибири (да-

лее — ГУВС — прим. авт.), с предложениями ужесточить цензурование издания [5; Ф. 256. Оп. 12. К. 1083. Ед. хр. 3. Лл. 41–43, 55–55 об., 61–63 об., 66–67 об., 76–76]. Историческая наука как-то привыкла умалчивать о том, как возникло противостояние клиндеровской газеты с областниками.

«Сибирь» позволила реплику в адрес «Камско-Волжской газеты» (далее — КВГ — прим. авт.), в которой сотрудничали Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев: «край находится в бедственном положении... Повара и лакеи нанимаются в редакциях. Они прямо берутся за критику. Явилась критическая литература в поварском и лакейском духе» [22]. «Барабанщик сибирского областничества» Николай Михайлович с подачи Григория Николаевича (мол, не ограничивались бы «одной иронией, а настоящим образом призвали Клиндера к порядку... в его газетке, выражаясь по-китайски, порядочно полизали желобок... очень уж ясно, кто лакей» [14; 232–233]) разразился по поводу содержательной части «Сибири» фельетоном «Пельмень» [26]. Трудно сказать, была ли скоординирована с выступлением Пельменелюбова появившаяся несколько позднее по времени публикация другого сибирского областника С.С. Шашкова, назвавшего издание П.А. Клиндера «юродивой слюноточкой» [24; 61]¹. Но точка зрения Н. Ядринцева активно поддерживалась советскими исследователями. В русле той традиции и характеристика М.В. Шиловского², сообщившего о «Сибири» П.А. Клиндера лишь число ее подписчиков — девять (с. 95)³, сославшись на публикацию Г.Н. Потанина (да другой источник нам пока и неведом. Последний был небеспристрастен: его задевала точка зрения иркутского издания на статьи некоторых сотрудников «КВГ»).

В июне 1875 г. редактором «обновленной» «Сибири» был утвержден В.И. Вагин, получивший право аренды издания. Контуры биографии публициста и общественного деятеля, изложенные в очерке М.В. Шиловского, нуждаются в уточнении. Сообщая, что Всеволод Иванович к моменту вступления в новую должность имел опыт журналистской работы в местной прессе лишь в «Томских губернских ведомостях» и «Амуре», историк прибегает к фигуре умолчания, характерной для социальной мифологии⁴ тоталитарного режима.

Из биографии В.И. Вагина исчезло его участие в «Сибирском вестнике» Б.А. Милютина, издававшемся в г. Иркутске в 1864–1868 годах. Есть точка зрения, что последний был лишь издателем, а первый — редактором [12; 110]. Данный факт другими источниками пока не подтвержден, но сотрудничество В.И. Вагина с этим

¹ Насколько оскорбительным было это выражение в те времена, можно судить по характеристике, данной К.В. Лаврским в письме от 28 февраля 1872 г. к А.С. Гацискому своей журналистской работе: последняя являлась для него «словоизвержением, а ради него не знаешь отдыха и убиваешь свое здоровье» [7; Д. 109. Л. 3].

² См. мнение М.В. Шиловского, что сибирская историческая школа практически вся выросла с кафедр истории КПСС. Означает ли это, что мы никогда не вырвемся из плена социальной мифологии, порожденной советским периодом? Ибо аспирантам всегда непросто противостоять точке зрения научной школы [25].

³ Здесь и далее в круглых скобках указывается страница рецензируемого издания.

⁴ В данном тексте под социальной мифологией подразумевается система взглядов, «исходящих из иррациональной, внелогической системы сознания, и лишь частично отражающих действительность, однако функционирующих в качестве научных парадигм» [13; 3].

изданием не подлежит сомнению¹. Выявлен ряд публикаций в «Сибирском вестнике»: об учреждении общества грамотности — «Тринадцатое октября» (1864. № 11. — Подпись В. В-ъ); «О применении к Сибири правил 11 октября 1865 г.» (1866. № 13); и, конечно, помещенный в четырех номерах ответ «По поводу писем Завалишина» (1865. № 51–53, 55, 56) на публикацию последнего в нескольких номерах «Московских ведомостей» за 1864 и 1865 гг. подборки материалов о месте своей бывшей ссылки. Хотя публикация писем Д.И. Завалишина еще не была завершена, В.И. Вагин достойно оценил бывшего сибирского литератора, что тот лишь «желает доказать, что в Сибири все, или почти все, дурно; а доказывает только то, что он или никогда не умел или уже разучился доказывать. Из всего этого выходит бессвязная стариковская болтовня, еще раздутая неудачными претензиями на глубокомыслие и знание края» [20].

Причина умолчания сотрудничества В.И. Вагина с «Сибирским вестником», единственным на протяжении пяти лет изданием азиатской России, гораздо глубже (и требует отдельной публикации), чем нежелание историков поколебать мнение о смелости Д.И. Завалишина которого якобы побаивался даже сам граф Н.Н. Муравьев-Амурский. Но и этот миф имеет, увы, банальную реальную подоплеку. О ней, судя по листу использования архивного документа, знают многие историки Сибири, но, очевидно, сообщаемый ниже факт был «чужд» теме их исследования. Военный инженер Д.И. Романов в письме от 25 марта 1860 г. к исполняющему обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакову писал: «Мне удалось наконец втолкнуть статьи “Иркутских ведомостей” в “Русский инвалид”. Краевский² отказался их печатать, равно как и всякую полемику с Завалишиным. Я имел с ним по этому случаю длинный разговор; он сказал, что Завалишин поддерживается здесь сильной партией моряков и Константином³, и что не хочет свою газету ставить против них...» [23; Л. 573.] Отсюда и «суть жизненной позиции декабриста» Д.И. Завалишина, «всю свою жизнь посвятившего борьбе за лучшую долю простого народа» [2; 288] и выступавшего в «Морском сборнике» с критикой политики Н.Н. Муравьева-Амурского по освоению и заселению края. Как теперь говорят специалисты, заказной черной PR.

Еще одним подтверждением участия В.И. Вагина в деятельности «Сибирского вестника» является размещение редакции в доме публициста с октября 1865 г. до середины января 1866 года. Об этом сообщалось в каждом номере издания.

Идеологи советской власти имели все основания не любить Б.А. Милютину, который был прокурором на суде участников Кругобайкальского бунта, артикулируемого как восстание. В таком же качестве издатель «Сибирского вестника» выступал и на дуэли Ф.А. Беклемищева и М.С. Неклюдова, знаменитой потому, что о ней не писал только ленивый. Но главным отягощающим обстоятельством все-таки было его окружение: родной брат Дмитрий Милютин — военный министр при Александре II. Выбрасывая из биографии В.И. Вагина иркутское издание, редактор которого был негоден существовавшей власти, историки упрощают числитель в водоразделе судеб до нуля, оставляя бесчеловечный (в смысле — отсутствие каких-

¹ В новейшем исследовании жизни В.И. Вагина [15], претендующем на жанр «биобиблиографии», факт имевшихся творческих отношений героя издания с милютинским «Сибирским вестником» не замечен.

² Краевский А.А. в это время был редактором-издателем журнала «Отечественные записки» и редактором «Санкт-Петербургских ведомостей».

³ Великий князь Константин — сын Николая I, в 1853–1881 гг. возглавлял морское министерство.

либо личностей) знаменатель истории, придавая оставшимся на поверхности людям, по своему усмотрению, лоск более удачливых.

Невыясненным в биографических очерках остался момент передачи «Сибири» издателю А.П. Нестерову. Ссылка на мнение В.М. Крутовского о неумении В.И. Вагина работать коллегиально (с. 96) отражает лишь деликатную позицию ученого по отношению к случившемуся. Сохранилось как минимум несколько рукописных источников, детализирующих смену владельца. Выражаясь языком самого же М.В. Шиловского, автора биографических очерков, перед нами типичный пример «двойного стандарта» (с. 4), когда «категоричные оценочные суждения... определяются конъюнктурными соображениями и базируются на произвольном использовании источников» (с. 5).

Суэта вокруг доходов редакции началась практически через год после появления «обновленной» «Сибири». В письме от 16 сентября 1876 г. А.С. Гацискому Н.М. Ядринцев писал: «... Николаев (... ссыльный каракозовец не Нижегородской ли губернии?) ... и Вагин ему посылает пустяки, и что в Иркутске напирают на Вагина, упрекая его в эксплуатации. Я просил кружок прекратить вражду. Вагина я все-таки считал честным человеком ... что он возвращает свой капитал и берет себе за редакторство. Ну и пусть, думалось мне. Я считаю всякие междоусобия пагубными для дела и раздоры могущими прекратить газету. Пусть будем мы даже эксплуатируемы. Пока...» [7; Д. 251. Л. 28 об.]

Но неожиданно пришло сообщение, что В.И. Вагин выкупил газету в собственность за 2 тыс. руб. А.П. Нестеров, проходивший вместе с Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным по делу о сепаратизме, позднее (опять-таки с теми же представителями сибирского областничества) сотрудничавший в «КВГ», на одном из редакторских вечеров «Сибири» затеял скандал по поводу приобретения: «Вагин не может покупать ее на себя, что это было общее, что надо открыть организацию и открыть бюджет... Вагин просит уплатить ему 2000 р. Сотрудники соглашаются, избирают нового редактора» [там же]. Согласно сообщению, полученному Н.М. Ядринцевым из Иркутска, им стал журналист Михаил Васильевич Загоскин [7; Д. 251. Л. 28 об.]¹,

¹ В письме А.П. Нестерова А.А. Гацискому (получено 8 февраля, согласно содержанию, скорее 1878 г.) сообщается, что утвержден в ГУДП «новый редактор Николай Гаврилович Тюменцев (в Иркутске), газета вследствие этого приостанавливалась и начнет выходить только с 1 февраля» [7; Д. 160. Л. 3 об.]. — Еще одно свидетельство, подтверждающее вышеуказанный факт: письмо редактора Н.Г. Тюменцева от 29 ноября 1879 г. секретарю статистического комитета полковнику Ларионову, исполняющему обязанности цензора издания [5; Ф. 24. Оп. 9. К. 2046. Ед. хр. 301. Л. 107]. — Согласно документу, имеющемуся в том же фондохранилище, редактором «Сибири» на 30 апреля 1880 г. значился Яков Артемов. (В.И. Вагин так его характеризует: «Этот союз Загоскина кажется мне очень подозрительным. Ни ума, ни характера, а пользуется какой-то репутацией. Занятий и средств к жизни нет, а живет едва ли не лучше меня... Мне кажется, что и в деле отобрания у меня газеты он играл двусмысленную роль. А этого отобрания, сколько бы ни [старалась] нестеровская К' я никогда не забуду» [5; Ф. 162. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 23 об.].) В письме ГУДП от 2 ноября 1881 г. в адрес ГУВС предлагалось администрации генерал-губернаторства поставить на вид чиновнику, ответственному за административную цензуру «Сибири», и впредь соблюдать, чтобы «г. Загоскин как неутвержденный еще в звании редактора, должен подписывать "За редактора"» [5; Ф. 25. Оп. 12. К. 1083. Ед. хр. 8. Л. 31]. — Эта кадровая чехарда озвучена в биографическом очерке В.М. Шиловского, представляющего точку зрения советских историков, как «фактическое» (с. 96) руководство М.В. Загоскиным газетой вплоть до ее якобы закрытия. На самом деле за последние семь лет существования издания ГУДП не утвердило ни одну из предложенных кандидатур, а в середине 1887 г. «Сибирь» была приостановлена властями из-за отсутствия редактора. Сохранившееся от 30 октября 1883 г. обращение Н.В. Загоскина к на-

в прошлом редактор «Иркутских губернских ведомостей. Неоф. ч.» и первой частной газеты Сибири «Амур». Издание предполагалось осуществлять на артельных началах. Планировалось образование фонда из 500 паев по 100 руб. каждый, которые можно было внести и деньгами, и литературным трудом по 40 руб. за лист. Денежных пайщиков планировалось лишь двое: А.П. Нестеров — 5 тыс. руб. и М.В. Загоскин — 2 тыс. руб. Литературные пай могли достаться Г.Н. Потанину и Н.М. Ядринцеву — по 5 тыс. руб. каждый, М.В. Загоскину и М.П. Шестунову — по 3 тыс. руб. каждому, и две тысячи рублей литературным трудом должен был внести Г.Е. Катанаев, генерал-лейтенант Сибирского казачьего войска, старый сослуживец по Омску Г.Н. Потанина и А.П. Нестерова. «Остальные 20 паев¹ — на случай новых членов, для друзей газеты» [7; Д. 251. Л. 29].

В дневниковой записи от 9 октября 1879 г. В.И. Вагин пишет о том «горьком времени, когда у меня отбили газету. Нестеров (под сурдиной Загоскина), прикрываясь именем сотрудников — первые Ядринцев и Пот[анин] ... вздумали вмешиваться в дела газеты и требовать, чтобы я принял их в компаньоны. Я отказался ... они считали себя вправе на вмешательство ... не будут компаньонами, то что бы было, если бы они сделались ими? Я предоставил им, если хотите составить компанию и взять от меня газету, то уже не рассчитывайте на мое участие. Они же [все] забыли, а я помню» [5; Ф. 162. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 23 об.]. 26 ноября 1879 г. Всеволод Иванович пишет: «Загоскин держит Нестерова потому, что за ним Потанин и Ядринцев. Что они? ... Ними кроме нескольких платных статей, которые они великодушно (особенно Ядринцев) пожертвовали газете» [там же. Л. 32 об.].

В сохранившемся черновике М.В. Загоскина предпринимателю А.М. Сибирякову по поводу отказа последним в оговоренном ранее кредите для «Сибири», датированном 1 августа 1880 г., сквозит мысль, что причиной создавшейся финансовой ситуации является отстранение В.И. Вагина от газеты. У М.В. Загоскина, очевидно, возникала даже идея о возвращении к тому положению, в котором находилась редакция до введения «артельных начал» (с. 95): «Против передачи и ред [акции], и типографии в руки Вс. Ив. Вагина я никогда и теперь ничего не имею: этого человека я уважаю» [5; Ф. 480. Оп. 1. Д. 477. Л. 8 об.].

Случай перехода «Сибири» в новые руки можно смело рассматривать как типичный рейдерский захват чужой собственности. Новая организация не имела денег на развитие, но, судя по количеству планируемых литературных паев, доля прибыли каждого участника артели уже была заложена в проекте, который Н.М. Ядринцев завершил в письме следующим образом: «Устав вышлю. Но пока мне нужно

чальнику газетного стола и редактору Иркутских губернских ведомостей И.П. Попову ставит вообще под сомнение самостоятельность в своей политике «Сибири» (В письмах А.С. Гацискому В.И. Вагин писал еще в январе 1877 г.: «Успех дела под новой редакцией будет более всего зависеть от обстоятельств, не зависящих от редакции» [7; Д. 56. Л. 22]. И тремя месяцами позже: «“Сибирь” ушла в другие руки ... явился потребитель, явились и эти люди для удовлетворения этой потребности» [там же. Л. 24–25]). Передача А.П. Нестеровым функций издателя М.В. Загоскину за якобы существующий долг в 80 руб. мало того что выполнялась по доверенности, выданной последним представителю губернского правления И.П. Попову, но доверитель к тому же был категоричен: «Все, что вами по этому предмету законно учинено будет, верю, спорить и прекословить не буду. Доверенность сия может быть передоверена Вами и другому лицу» [17; Оп. 5: 1872. Д. 78. Л. 208]. См. также исследование иркутских историков, посвященное моменту перехода «Сибири» от В.И. Вагина к А.П. Нестерову [4; 199–211].

¹ Очевидно, Н.М. Ядринцев при подсчете количества паев ошибся.

для соображений время. Я посылал и выработал устав, помните, для устройства и организации «Камско-Волжской газеты». Где тот проект, у вас или Константина Викторовича¹, отыщите и вышлите скорее. Я полагаю, дела устроятся. Вагин передаст дела по бюджету и право на газету всем сотрудникам. Мне остается подписать концепцию. Молодцы иркутяне. Не ожидал подарка» [7; Д. 251. Л. 29 об.].

Для лучшего понимания событий, происходивших в то время, нуждается в интерпретации комедия-сатира «Золотая пшеничка» [19; 107–153], появившаяся в середине 1880-х гг. в Иркутске и имевшая большой успех. Герои ее узнаваемы и сегодня: редактор газеты «Честная сплетница» Недоноскин (по мнению М.В. Шиловского, фактически возглавлял «Сибирь» М.В. Загоскин), влиятельный гласный Чагин (В.И. Вагин в то время был избран в городскую думу; кстати, в эпилоге комедии появляется старичок с внешностью Сократа и именем Всеволода Ивановича и заявляет о героях пьесы, идущей на сцене: «Я себя не узнаю. Это другие меня узнали» [19; 149]). Есть в сатире и приисковый генерал Стволов (В.П. Сукачев²), который обещал купить местной газете типографию при условии, если его выберут городским головой. Один из героев пьесы Глидерс (генерал-губернатор Восточной Сибири барон П.А. Фредерикс, лично исполнявший функции цензора «Сибири») восхищен ситуацией: «Сам теперь удивляюсь, зачем я хотел придушить эту газету, даже деньги хотел на это бросить; она так нам служит, что лучше и желать нельзя, а так как считается враждебной нам, то никто и не подозревает ее, и публика верит как оракулу, всему, что мы ни пустим в ней через Чагина и Стволова» [19; 131].

А теперь о закрытии «прогрессивно настроенной» газеты. В письме из управления Иркутского губернского воинского начальника от 5 марта 1886 г. на имя начальника Иркутского жандармского управления сообщалось, что после того «как газета «Сибирь» сделалась органом городского головы Сукачева, купившего для редакции типографию Синицина» [6; Л. 3], правота издания стала превыше жесткости закона. Требование чиновника извиниться за унижение, которое допустила газета по отношению к нему, не нашла отклика у издателя. Эта история привела к тому, что ГУДП приостановило издание «Сибири» до утверждения редактора, кандидатура которого бы устраивала столичную власть. Идеолог сибирского областничества такое развитие событий предвидел уже после переуступки прав собственности, когда «В. Вагин отказался от редакторства, я струсил, — признавался в том же письме А.С. Гацискому Н.М. Ядринцев, предполагая крах издания, — газета без него разрушится» [7; Д. 251. Л. 28 об.].

Мифологемы, «сформулированные на базе марксистской доктрины» как объективные «закономерности исторического развития, длительное время являлись приоритетными в социально-политических науках и способствовали потребностям общественного сознания» [9; 3]. Синхронный срез знания о газете «Сибирь», зафиксированный в биографических очерках М.В. Шиловского, сделан во временных рамках отбора фактов для коллективной памяти, когда их интерпретация подвергалась жесткой государственно-политической обработке идеологии, сегодня не существующей. Нынешняя социально-экономическая интерпретация, проводимая ярким представителем научного сибиреведения, пытается канонизировать знания, закрепить свой авторитет. И изданные очерки — прекрасный тому пример.

¹ Лаврский К. В. (1844 — не ранее апреля 1831), соредатор «КВГ».

² Сукачев Владимир Платонович (1849–1920) — крупный общественный деятель Сибири, купец-меценат, организатор галереи в Иркутске. С 1885 по 1898 г. был городским головой г. Иркутска.

Автором этих строк оглашены вновь возникшие обстоятельства функционирования лишь одного издания, иркутского. Объем данной публикации не позволяет привести такие же доводы в ущербности доказательства М.В. Шиловским, что высокий содержательный уровень «Амура» обеспечивало сотрудничество в нем М.В. Буташевича-Петрашевского (с. 93). Сегодня один из российских исследователей [3; 854] не исключает, что последний вместе со Спешневым были сотрудниками охранки, т.е. по меркам советского времени — провокаторами¹. Если это так, то нет никакой смелости графа Муравьева-Амурского в том, что он позволял двум ссыльным сотрудничать в продолжении сенатских ведомостей — «Иркутских губернских ведомостях». Поставленный вопрос предстоит еще исследовать: так ли это? Ни подтверждения, ни опровержения данной точки зрения историческая наука пока не сделала, пассивно полагаясь на авторитет советской традиции.

В очерке об А.В. Адрианове неудачно использована цитата из его письма к Г.Н. Потанину о Томске образца 1888 г. (с. 21–22). Понять ее смысл можно, лишь зная другое послание, хранящееся в коллекции РГАЛИ: бывший уголовный ссыльный Е.В. Корш, фактический редактор «Сибирского вестника», работал в университете, помогая стоявшему у его основания попечителю учебного округа В.М. Флоринскому ориентироваться в непростых отношениях томской интеллигенции. А значит, «Сибирский вестник» стал органом Василия Марковича. И неудивительно, что вскоре «Сибирскую газету» закрыли совсем. Может, именно эта житейская усложненность и мешает историкам печати Сибири найти компромисс, в котором бы спокойно уживались попечитель Западно-Сибирского учебного округа с первым сибирским университетом и неофициальный редактор «рептильного» издания, каким, по мнению советских исследователей, был «Сибирский вестник» В.П. Картамышева. Кстати, документы цензурного дела, сохранившегося в фондах ГУДП, говорят о другом: о сложной борьбе томского издания с властью за выживание. Но исследователи, занимающиеся изучением истории томской печати, во избежание пересмотра научных концепций не торопятся обнародовать некоторые детали исторического процесса. В результате авторитет ученого становится важнее документа эпохи. И пинок в адрес картамышевского «Сибирского вестника» можно встретить нередко в работах и других воспитанников кафедр истории КПСС [18; 79].

В рассказываемой истории о сегментировании рынка томской печати был не менее удивительным другой случай. 25 мая 1887 г. вновь прибывший губернатор Лакс «первым своим приказом редактора “Сибирской газеты” А.В. Адрианова, нигде и никогда не служившего, сразу определил к себе чиновником особых поручений и исправляющим должность секретаря губернского статистического комитета» [17; Оп. 12: 1885. Д. 19, ч. I. Л. 51]². И это при том, что вновь испеченный чиновник, по мнению жандармского управления, имел противоположительственные взгляды и нуждался в высылке.

¹ В нынешних условиях мы имеем все основания рассматривать действия таких людей как службу во благо государственности Российской империи. И уверен, что такая позиция будет приветствоваться исторической наукой.

² См. также письмо А.В. Адрианова Д.А. Клеменцу от 17 марта 1886 г.: «Бояться нам закрытия нет никаких оснований — нашу сторону держит даже жандармский полковник, к которому я обращался с просьбой о защите от нападков “Москов. ведом.”» [1; Л. 3]. — В письме Г.Н. Потанину от 7 января 1888 г. А.В. Адрианов сообщает: «Лично мое положение улучшилось и пока, т.е. при А.И. Лаксе, прочно. Я утвержден в двух должностях, дающих до полуторы тысяч годового содержания». [16; Л. 10].

Почти одновременно с трудоустройством А.В. Адрианова без объяснения причин приостановили на четыре месяца враждовавший с «Сибирской газетой» «Сибирский вестник»...¹ Исключать случайное совпадение фактов нельзя. Но такой исход зачастую был типичным в отношениях между изданиями того времени, работавшими на одной территории².

Замалчивание отдельных документов и замена их в научных исследованиях существующими точками зрения авторитетных историков отнюдь не способствует восстановлению истины, не зависимой от государственно-идеологической интерпретации. Это прекрасно видно по книге биографических очерков «Судьбы, связанные с Сибирью» М.В. Шиловского. Даже незначительная часть сообщаемых здесь документов прекрасно показывает, что акции того времени, называемые сегодня «пиаровскими», зачастую имевшие черный характер, сплошь и рядом интерпретировались советской исторической наукой как яркие образцы провинциальной журналистики.

Мифология тоталитарного государства нуждается в обновлении, которое традиционно происходит в переломные моменты истории. Идеология (или — не менее тяжелый вариант — ярко выраженное ее отсутствие) сегодняшнего дня позволяет устранить слабые места в интеллектуальной конструкции [10; 11]³. Главное, чтобы на это хватило смелости у научных школ, держателей своих вчерашних умопомощений.

Библиография

1. Архив Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (АСПб. ФИВ РАН). Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 2.
2. Бобков А.К. Сибирская публицистика Д.И. Завалишина // Российская провинциальная частная газета. Тюмень, 2004. С. 278–293.
3. Галковский Д.Е. Бесконечный тупик: в 2 кн. М., 2008.
4. Гимельштейн А.В. Региональная власть и общественность Сибири / Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Даниленко А.В. Иркутск, 2007.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИрО).
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102 (3 д-во): 1886. Д. 315.
7. Государственный литературный музей. Отдел рукописных фондов (ГЛМ. ОРФ). Ф. 10. Оп. 1.

¹ А.В. Адрианов признавался Д.А. Клеменцу: «Возьмем “Сиб. вестник” — он есть всецело продукт моей недипломатичности и прямолинейности; будь я поласковее с Красовским, не лягайся, не смотри на Корша, Полянского и на Картамышева как на прохвостов, тогда бы и “Сиб. вестник” не возник» [1; Л. 6 об.].

² Ср.: В письме от 13–14 апреля 1872 г. К.В. Лаврский писал А.С. Гацискому о состоянии дел в «КВГ»: «Если б удалось как-нибудь уронить “Бирж. листок” так, чтобы он прекратился — хотя, что и говорить, не произойдет — у него чуть не вдвое больше подписчиков. Ведь что значит торговая корреспонденция — а где ее возьмешь? Если бы нам двух-трех корреспондентов иметь собственных, сообщающих о ценах и подвозках, — тогда совесть не запрещала бы нам остальное перепечатывать из того же “Казан. бирж. листка” и таким образом организовать настоящий торговый отдел. Тогда бы “Биржевой листок” почувствовал бы нашу конкуренцию (в особенности, когда мы объявили, что будем выпускать газету 3 раза в неделю)» [7; Д. 109. Лл. 17 об. –18].

³ А.М. Лобок определяет миф как «слабость той или иной интеллектуальной конструкции».

8. Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70–80-х годов XIX века. Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1985.
9. Коновалова Ж.Ф. Миф в советской культуре и истории. СПб.: СПбГУЭФ, 1998.
10. Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1997.
11. Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1982.
12. Николаев В.И. Сибирская периодическая печать и политическая ссылка // Ка-торга и ссылка : ист.-революционный вестн. 1928. Кн. 4. С. 103–119.
13. Орлов С.Б. Социальная мифология: сущность, признаки, субъекты: учеб. посо-бие. Бийск, 2006.
14. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1988. Т. 2.
15. Подольская Л.Я., Полищук Ф.М. В.И. Вагин — исследователь, публицист, би-блиофил. Иркутск, 2006.
16. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 381. Оп. 2. Ед. хр. 7.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776.
18. Сагалаев А., Крюков В. Потанин, последний энциклопедист Сибири: опыт осмысления личности. Томск, 2004.
19. Сиб. архив. 1914. № 3–4. С. 107–153.
20. Сибирский вестник. 1865. № 56.
21. Сибирское областничество: биобиблиографический справочник / редкол.: С.С. Бы-кова (гл. ред.) и др. Томск; Москва: Водолей, 2002.
22. Сибирь. 1873. № 17.
23. Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 864. Оп. 1. Д. 23.
24. Шашков С.С. Красоты обывательской журналистики // Дело. 1873. № 11. Без подписи.
25. Шиловский М.В. Специфика формирования исторического сообщества в За-падной Сибири в послевоенный период // Вторые Даниловские чтения. Тюмень, 2009. С. 391–395.
26. Ядринцев Н.М. Пельмень // КВГ. 1873. № 77. Подпись: Пельменелюбов.